

УДК 811.21

DOI 10.24412/3005-849X-2025-2-101-114

**ПОВТОР В
АВТОБИОГРАФИЧЕСКОМ
НАРРАТИВЕ: СТРУКТУРА, СМЫСЛ
И ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ**

**ТАКРОР ДАР НАРРАТИВИ
ТАРҶУМАИҲОЛӢ: СОХТОР, МАӢНО
ВА СТРАТЕГИЯҲОИ ТАРҶУМАВӢ**

**REPETITION IN
AUTOBIOGRAPHICAL NARRATIVE:
STRUCTURE, MEANING, AND
TRANSLATION STRATEGIES**

Мурувватиён Сабрина Шерали–хан,
соискатель Института языка и
литературы им. Рудаки НАНТ
(Душанбе, Таджикистан)

Мурувватиён Сабрина Шерали-хон,
унвонҷӯи Институти забон ва адабиёти ба
номи Рӯдакии АМИТ (Душанбе, Тоҷикистон)

Muruvvatiyon Sabrina Sherali – Khan, applicant
of the Institute of language and literature named
after Rudaki NAST (Dushanbe, Tajikistan)
e-mail: sabrina.muruvvatiyon@mail.ru

Рассматривается роль повторов в автобиографической прозе Садриддина Айни, особенно в контексте слова «зиндагӣ» (жизнь). Отмечено, что повтор как поэтический прием подчеркивает философское и социокультурное осмысление жизни автора, выполняя функции тематической доминанты, ритмико-синтаксической структуры и эмоционально-экспрессивного элемента. Слово «зиндагӣ» многозначно и подразумевает различные аспекты человеческого существования, включая физическое, моральное и социальное состояние. Анализ показывает, что повтор этого слова не только обогащает текст, но и создает многослойную картину жизни таджиков конца XIX – начала XX века. Также рассматриваются переводческие стратегии, позволяющие передать глубину оригинала, с использованием перевода «Воспоминаний» А.З. Розенфельд. В заключение подчеркивается, что повтор слова «зиндагӣ» становится ключевым элементом, позволяющим читателю глубже понять внутренний мир автора и раскрыть его место в историческом контексте.

Ключевые слова: автобиография, Садриддин Айни, повтор, слово «зиндагӣ» (жизнь), социокультурное осмысление жизни, переводческие стратегии, философия жизни

Нақши такрор дар насри тарҷумаиҳолии Садриддин Айни, махсусан дар бофтори калимаи “зиндагӣ” ба риштаи таҳлил кашида шудааст. Қайд шудааст, ки такрор чун санъати шеърӣ идроки фалсафӣ ва иҷтимоию фарҳангии ҳаёти муаллифро таъкид карда, вазифаҳои доминантаи мавзӯӣ, сохтори вазнию синтаксисӣ ва унсурӣ эҳсосию экспрессивиро иҷро мекунад. Вожаи “зиндагӣ” сермаъно аст ва ҷанбаҳои муҳталифи ҳасти инсон, аз ҷумла ҷисмонӣ, ахлоқӣ ва ҳолати иҷтимоиро дар бар мегирад. Таҳлил нишон медиҳад, ки такрори калимаи “зиндагӣ” натавонанд матнро гани мегардонанд, балки манзараи бисёрқабатаи ҳаёти тоҷиконро дар охири асри XIX -оғози садаи XX зинда месозад. Ҳамчунин стратегияҳои тарҷумавӣ, ки ба инъикоси умқи нусхаи асл имкон медиҳанд, бо таъкиди тарҷумаи “Ёддоштҳо” аз ҷониби А.З.Розенфельд баррасӣ шудааст. Дар ҳулоса таъкид гардидааст, ки такрори вожаи “зиндагӣ” ба унсурӣ калиди табдил ёфта, ба хонанда имкон медиҳад олами ботинии муаллифро амиқтар фаҳмад ва ҷойи ӯро дар бофтори таърих ошкор созад.

Калидвожаҳо: тарҷумаи ҳол, Садриддин Айни, такрор, вожаи “зиндагӣ”, идроки иҷтимоию фарҳангии ҳаёт, стратегияҳои тарҷумавӣ, фалсафаи ҳаёт

The article examines the role of repetitions in the autobiographical prose of Sadriddin Aini, especially in the context of the word "zindagi" (life). It is noted that repetition as a poetic device

emphasizes the philosophical and socio-cultural understanding of the author's life, performing the functions of a thematic dominant, rhythmic-syntactic structure and emotional-expressive element. The word "zindagi" is polysemantic and implies various aspects of human existence, including physical, moral and social condition. Analysis shows that the repetition of this word not only enriches the text, but also creates a multi-layered picture of the life of Tajiks in the late 19th – early 20th centuries. Translation strategies that allow the depth of the original to be conveyed are also considered, using the translation of A.Z. Rosenfeld's "Memories". In conclusion, it is emphasized that the repetition of the word "zindagi" becomes a key element that allows the reader to more deeply understand the author's inner world and reveal his place in the historical context.

Key-words: *autobiography, Sadriddin Aini, repetition, the word "zindagi" (life), sociocultural understanding of the life, translation strategies, philosophy of life*

Повтор, играющий существенную роль в структурной и смысловой организации художественного текста, представляет собой один из ключевых стилистических и композиционных приёмов поэтики. Повтор особенно значим в автобиографических и мемуарных произведениях, поскольку способствует структурированию индивидуального опыта, возвращающегося в сознание автора как цепочка повторяющихся мотивов, переживаний или мыслей. В автобиографическом жанре важную роль играет рефлексивное осмысление жизненного пути, где повтор помогает выстраивать внутреннюю логику воспоминаний, акцентировать ключевые смыслы, символы или значимые события. Кроме того, повтор отражает особенности человеческой памяти, склонной к возвращению к одним и тем же эпизодам с разных точек зрения, что создает эффект смысловой многослойности: каждый повтор раскрывает новое измерение прошлого опыта и, моделируя процесс памяти и самоосознания, выполняет не только эстетическую, но и когнитивную функцию. В лингвистике повтор традиционно изучается в стилистике, текстолингвистике и прагматике [3; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 10; 13; 14; 15; 16; 17; 18; 19; 20; 21; 28; 29].

Повтор как стилистическое и композиционное средство может реализовываться на разных уровнях текста: лексическом, семантическом, синтаксическом и звуковом. Каждая из этих форм выполняет определённую функцию — *от усиления выразительности до структурирования смысла*. М.Н. Кожин подчёркивает *экспрессивную природу повтора*, указывая, что он позволяет автору выделить значимые элементы текста, привлечь внимание читателя и тем самым усилить воздействие текста на его восприятие [14, с. 33–54]. Эта точка зрения перекликается с функциональной природой лексического и синтаксического повтора, где за счёт повторяющихся единиц создаётся эмоциональное или логическое напряжение. С другой стороны, Ю.М. Лотман рассматривает *повтор как способ генерации новых смыслов* [19]. При этом сохраняется знаковая форма, но варьируется контекст, в результате чего одни и те же слова или структуры начинают интерпретироваться по-новому. Этот подход особенно ярко проявляется в семантических и синтаксических повторах, где повторяющиеся элементы становятся основой для смысловой игры, развития образов, ассоциаций. Таким образом, можно прийти к выводу, что повтор не только средство усиления (по Кожину), но и инструмент смыслообразования (по Лотману).

В поэтике художественного текста повторы выполняют несколько функций: *ритмическую* — создают интонацию и структуру текста; *семантическую* — придают дополнительные смыслы через контекст; *прагматическую* — привлекают внимание и вызывают эмоции; *когнитивную* — помогают понять и запомнить ключевые идеи. В силу распространенности сферы применения, многообразия языковой репрезентации (слово, словосочетание, предложение, текст) повтор неоднократно привлекал внимание

исследователей начиная с Античности и далее, в течение всего развития и становления лингвистики: к проблеме повтора обращались философы и логики, он изучался в составе риторики, литературоведения, психологии.

Повтор в современных исследованиях описан достаточно многосторонне, о чем свидетельствуют многочисленные работы, в которых получили освещение его прагматические, фонетические, стилистические, семантические, синтаксические характеристики (Е.Н. Петрова, Ж.С. Павловская, Ю.М. Лотман, В.Г. Гак, Л.Г. Фридман, Е.Ю. Кукушкина, Г. А. Гуляева и др.). Анализ лингвистической литературы показывает, что одним из наиболее важных моментов, по которым позиции авторов расходятся, является определение повтора, под которым понимается: 1) простое повторение слова или словосочетания (М.К. Морен, Н.Н. Тетеревникова, В.П. Летучева), 2) воспроизведение значения слова посредством разных лексем (Ш. Балли, Н.С. Новикова, Е.Н. Петрова). Большинство исследователей допускают, что повтором может быть названо как дословное, т.е. формальное и смысловое воспроизведение лексической единицы, так и воспроизведение только ее смыслового содержания (З.И. Хованская, И.В. Арнольд, В.Г. Гак, И.Р. Гальперин, Ж. Гард-Тамин, Н.В. Устина). При этом важным критерием в определении повтора является условие достаточной тесноты ряда (И.В. Арнольд). Для нашего исследования релевантно понимание повтора как формального и семантического воспроизведения языковой единицы [13, с. 6].

Рассмотрим некоторые особенно часто употребляемые лексемы в «Воспоминаниях» Садриддина Айни и лингвопоэтические функции этих повторов в автобиографической прозе. Творчеству С. Айни посвящено немало исследований, в которых учёные обращаются к различным аспектам его произведений [12, с. 218-226; 23, с. 89-93; 24, с. 93-99; 11, с. 161-164; 22, с. 191-199; 25, с. 63-72; 26, с. 190-200; 27, с. 226-232; 30; 31; 32; 33; 34; 35], в данном контексте особое внимание будет уделено повтору как выразительному средству, отражающему индивидуальную память, мировоззрение и авторскую манеру письма. Это особенно актуально при анализе многозначных понятий в таджикском языке, как, например, слова «зиндагӣ» (жизнь), которое подразумевает физическое существование, этап жизненного пути, бытовые условия, моральное состояние и социальный статус.

В «Воспоминаниях» С. Айни [1] слово «*зиндагӣ*» (*жизнь*) и его вариант «*зиндагонӣ*» появляются десятки раз, и каждый раз в нём раскрывается новый смысловой аспект: «*зиндагии кӯдакию хурдсолии ман*» — как возрастной период; «*зиндагии мардум бо факр*» — как показатель социального неблагополучия; «*бо чунин зиндагонӣ шод будем*» — как эмоционально окрашенный жизненный опыт. Такой подход автора отражает социолингвистическую реальность эпохи, где язык — зеркало жизни, а слово — репрезентант исторической и ментальной картины мира.

Анализ текста показывает, что повтор данного слова в «Воспоминаниях» С. Айни выполняет сразу несколько функций, передавая *тематическую доминанту, ритмико-синтаксическую, эмоционально-экспрессивную, философскую глубину*.

Слово «*зиндагӣ*» в произведении Садриддина Айни превращается в сквозную метафору, объединяющую биографическое и историческое, частное и коллективное, внешнее и внутреннее. Эта лексема не просто реалия, а поэтическая ось, на которой строится композиция текста «Воспоминаний». Повтор слова «*зиндагӣ*» в «Воспоминаниях» Айни — это не стилистическая избыточность, а осознанный лингвопоэтический приём. Через него создаётся целостная полифоническая картина жизни как исторической реальности и как внутреннего переживания: автор передаёт сложность и многослойность жизни таджиков конца XIX – начала XX века. Это пример того, что повтор, будучи элементарным с

формальной точки зрения, может стать мощным инструментом смыслообразования, эмоционального воздействия и философского размышления.

Одной из главных функций слова «жизнь» в автобиографической прозе является его способность передавать индивидуальный опыт. Авторы, рассказывая о пройденном жизненном пути, создают уникальную картину мира, в которой личные события переплетаются с историческими и социальными обстоятельствами. Это позволяет читателю не только понять внутренний мир автора, но и осознать, как его жизнь вписывается в более широкий социальный контекст.

Кроме того, слово «жизнь» в автобиографической прозе является инструментом для рефлексии. Авторы часто возвращаются к ключевым моментам своей жизни, анализируя их влияние на собственное становление как личности. В автобиографическом жанре слово «жизнь» выступает не только лексической единицей, но и основополагающим стержнем повествования, через который автор осмысляет пережитый опыт, судьбу и эпоху. У Садриддина Айни слово «*зиндагӣ*» (жизнь) повторяется с особой частотностью и используется в разнообразном контексте, что позволяет говорить о его лексико-семантической многослойности.

Анализ фрагментов из «Ёддоштҳо» («Воспоминаний») показывает, что слово «*зиндагӣ*» включает широкую гамму значений — от *бытового существования до экзистенциальных и философских смыслов*.

Во многих фрагментах слово *зиндагӣ* описывает **простые жизненные реалии**: жилище, пищу, труд, нужду: «Зиндагонии мо дар он хучра бисёр сода буд, пагоҳонӣ ва бегоҳонӣ нони коки аз сахро овардашударо бо чой мехӯрдём...»; «Дар он вақтҳо... занаш дар Соктаре зиндагонӣ мекардаанд». Здесь «жизнь» — это **объективное условие существования**, отражающее материальный уровень семьи, дефицит, нехватку, что подчеркивает **социальный и реалистический характер прозы Айни**.

Многokrатно повторяется мотив труда как формы бытийной необходимости: «Зиндагониямон душвор аст... тобистон бо модарам деҳқонӣ карда... дар зимистон... чархиосиётарошӣ ва бофандагӣ менамудам»; «Барои ман зиндагӣ душворӣ намекунад... агар соҳибкорон бо ростӣ музд диҳанд, зиндагӣ ҳам аз ин қор бад намегузарад».

Здесь «*зиндагӣ*» соотносится с **социальным напряжением**, необходимостью адаптироваться к нищете и безработице. Это свидетельствует о **социальной функции автобиографии**, в которой отражается коллективный опыт народа.

Айни не ограничивается описанием жизни как внешнего быта. Он раскрывает и **внутренний психологический аспект**, где «*зиндагӣ*» становится синонимом **морального выбора, достоинства или отчаяния**: «Ман ҳам орзу доштам, ки дар қатори инҳо буда, зиндагонии худро бо хушӣ ва хуррамай гузаронам. Ҳайфо, ки ашғоли дунё, вобастагии зану фарзанд ва ташвиши зиндагӣ маро аз ин қори беғамона маърум кардаанд»; «Модаркалони ҳафтодсолаам бо таъсири доғҳои фарзанд ва бадии зиндагонӣ аз ҷо ҷунбида наметавонист». Так слово «*зиндагӣ*» приобретает **эмоциональную окраску**, раскрывая глубину душевных страданий и экзистенциальной неустроенности.

Отдельные эпизоды демонстрируют, что для Айни «*зиндагӣ*» не только частный опыт, но и **предмет философского осмысления**.

Оригинал: «– Маънии ҳазорсола шудани як одам он нест, ки, – гуфт Усто амак, – ӯ дар зиндагии худ ҳазор солро аз сар гузаронад, балки маънии ин суҳан ҳамин аст, ки **ӯ дар зиндагии муқаррариаш** корҳое кунад, ки одами дигар дар ҳазорсола умри худ, ба шарт зинда мондан, он қорҳоро мекарда бошад» [1, с. 48].

Перевод: « – Пожелание достичь тысячелетия вовсе не означает, что человек должен прожить столько лет. Пусть он **за свою обычную жизнь** совершит такое дело, для которого другим потребовалась бы тысяча лет» [2, с.72].

Возможный вариант перевода: «Пожелание человеку прожить тысячу лет вовсе не означает, что он должен действительно столько прожить, – сказал Усто-амак. – Смысл в том, чтобы за свою обычную жизнь он успел сделать то, на что другому потребовалась бы тысяча лет — если бы он вообще смог столько прожить» (перевод наш. – С.М.).

Сравнительный анализ трёх версий: текста на таджикском языке, его перевода, выполненного А.З. Розенфельд [2], в опубликованной версии и предлагаемого нами возможного варианта перевода по нескольким критериям: точности, стилистической адекватности, смысловой глубине и ритмико-синтаксической структуре, показывает, что в переводе не отражена философская оговорка («если бы он смог столько прожить»), нарушена ритмическая структура оригинала и его риторическая драматургия, перевод носит интерпретативный характер и упрощает оригинал.

Оригинал: «Мақсади ин гуна одамҳо ҳама ба ман маълум набуд, ки барои чӣ ба дунё омада ва **ба чӣ мақсад зиндагонӣ мекунад**» [1, с.148].

Перевод: «Цели этих людей были мне непонятны: для чего они родились на свет и **для чего живут?!**» [2, с. 216].

Возможный перевод: «Мне были непонятны цели таких людей: зачем они появились на свет и ради какой цели живут?» (перевод наш – С.М.).

Как показал сравнительный анализ, смысл оригинала в целом передан верно: автор выражает непонимание по отношению к целям существования определённой группы людей. В переводе сохранено базовое противопоставление — **причина рождения и цель жизни**. Однако важно отметить, что в оригинале на таджикском языке дважды используется лексема «**мақсад**»: и по отношению к рождению, и к жизни. В русском переводе это повторение не сохранено — слово «цель» появляется только в первой части, а во второй его заменяет глагол «живут». Это приводит к **упрощению структуры и к снижению акцента на идее жизненной цели** как сквозной мысли высказывания.

С точки зрения стилистики перевод выполнен достаточно гладко, хорошо адаптирован под нормы русского литературного языка. Тем не менее, использование **восклицательно-вопросительной формы** («для чего живут?!») создаёт эффект **повышенной эмоциональности**, который отсутствует в оригинале. В тексте на таджикском языке авторский тон ближе к **созерцательному, философски недоумевающему**, без ярко выраженной экспрессии. Таким образом, эмоциональная окраска перевода может **исказить интонацию оригинала**, превратив тихое непонимание в почти возмущённую риторичку.

Синтаксически оригинальное высказывание характеризуется **ритмически сбалансированной структурой**: два параллельных оборота, оба с повторяющейся конструкцией, основанной на слове «**мақсад**». Перевод не сохраняет эту симметрию: вторая часть фразы теряет связь с понятием «цель», что **нарушает риторический и логический баланс** высказывания.

Перевод передаёт общий смысл высказывания, однако **теряет значимую часть риторико-смысловой конструкции оригинала**. Упрощение синтаксиса, замена ключевого концепта и изменение интонационного рисунка делают перевод менее точным в философском и стилистическом плане. Было бы предпочтительнее использовать более точный перевод, сохраняющий и **лексическую повторяемость, и созерцательно-философскую тональность оригинала**.

Важно отметить, что в этих примерах понимание жизни переходит в **плоскость ценностей, смысла, предназначения**, выходя за рамки обыденного. Айни последовательно связывает собственную жизнь («зиндагӣ») с жизнью других людей: членов семьи («дар он хавли зану фарзандони хурдаш зиндагонӣ мекарданд»); бедняков («бо садакаи мардум зиндагонӣ мекард») и т.д.

Это делает слово «зиндагӣ» - «жизнь» **коллективным символом**, представляющим общий быт, судьбу и историческую ткань времени. Через его повторение писатель подчеркивает, что **индивидуальное и общественное неразделимы**.

То есть, слово «зиндагӣ» в автобиографической прозе Садриддина Айни — это не только лексическая единица, описывающая жизненные обстоятельства, но и **философский и идеологический узел**, в котором сходятся материальные реалии, морально-нравственные суждения, рефлексия и история общества. Айни использует это слово как **основу нарратива, средство памяти и зеркало эпохи**, демонстрируя, как жизнь человека разворачивается на фоне социальной нестабильности, бедности, но и надежды.

Частотный анализ корпуса мемуарной прозы Айни показывает, что лексема «зиндагӣ» встречается в ней приблизительно триста раз, что указывает на её высокий частотный индекс. Это позволяет отнести данную единицу к лексико-семантическому ядру автобиографического нарратива. Повторяемость данного слова выполняет функцию семантической доминанты и концептуального маркера автобиографического жанра. Примеры:

Оригинал: «Азбаски **зиндагонии кӯдакӣ ва хурдсолии ман** дар сахро, асосан дар ду деҳа гузаштааст ва ин деҳаҳо аз ҳам дур буда, аз чихати ободонӣ, маданият ва урфу одат аз ҳам фарқ доштанд, ман мехоҳам пеш аз сар кардани ёддоштҳои худ дар бораи ин ду деҳа як қадар маълумоти географӣ, этнографӣ ва тарҷимаиҳолӣ дода гузарам, то ки фаҳмидани ҷои ин ёддоштҳо барои хонандагон осонтар шавад» [1, с. 5].

Перевод: «Мои **детские годы** проходили в сельской местности, точнее – в двух деревнях, и обе эти деревни очень отличались одна от другой по благоустройству, развитию, нравам и обычаям. Прежде чем приступить к своим воспоминаниям, я хочу дать некоторые географические сведения об этих селениях, чтобы облегчить читателям понимание моих мемуаров» [2, с. 11].

В представленном переводе фрагмента из произведения «Дар сахро» общее представление о жизни автора в детстве передано верно, однако ряд смысловых и стилистических нюансов упрощён. Оригинальный текст подчёркивает, что его детство и ранние годы прошли в двух разных деревнях, находящихся **на значительном расстоянии друг от друга** и отличающихся уровнем обустройства, культурой и обычаями. В переводе на русский язык эта пространственная и культурная **противопоставленность деревень смягчена**, что может снизить ощущение разнообразия и контраста в описании. Также опущено упоминание о **жизни в степи («дар сахро»)**, которое играет важную роль в формировании образа среды и атмосферы детства. Кроме того, в оригинале подчёркивается желание автора **предварительно дать географическую, этнографическую и автобиографическую информацию**, в то время как в переводе эта мотивация сведена лишь к желанию «**облегчить понимание мемуаров**», без указания на конкретные аспекты. Однако эти недочёты несколько не нарушают содержания оригинала в переводе, поскольку перевод до конца раскрывает основную мысль высказывания, заключённую в оригинале.

Оригинал: «Касби асосии аҳолии ин ҷо деҳқонӣ бошад ҳам, **зиндагонии ҳеч як аз оммаи аҳоли аз деҳқонӣ намегузашт**, ҳатто аз деҳқонӣ зарар кашида, ҷои ин зарарро бо касбҳои дигар пур мекарданд» [1, с. 6].

Перевод: «Основным занятием жителей считалось земледелие, однако **никто из них не мог на это существовать**; более того, земледелие приносило даже убытки, которые приходилось покрывать доходами от других занятий» [2, с.13].

Здесь слово «*зиндагонии*» (жизнь, образ жизни) в оригинале указывает не просто на факт существования, а на неразрывную связь жизни с трудом: земледелие воспринимается как неотъемлемая часть жизненного уклада, а не просто как профессия. Формула «*зиндагонии* хеч як аз оммаи аҳоли аз деҳқонӣ намегузашт» указывает на органическую вписанность труда в повседневную жизнь. В переводе поэтическое восприятие жизни теряется: выражение «никто не мог на это существовать» сводит речь лишь к материальным трудностям и убирает глубокий смысл, вложенный в слово «*зиндагонӣ*». В результате понятие о жизни как непрерывном осмысленном процессе заменяется более узким — просто «существованием», что обедняет оригинальный смысл.

Оригинал: «Бобоям чандин сол **дар ин деҳа ва дар ҳамин меҳмонхона зиндагонӣ намуда**, шабона, ки аз кори дурудгариаш фориг мешудааст, Деҳқон ном писари калони соҳиби хавлиро хонанда ӯро ҳарфшинос кардааст. Дар он вақтҳо писари калони бобоям, ки падари ман бошад, дар Бухоро меҳондааст, писари хурдаш, ҳамширагони аз шавҳар мондааш, ҳамширазодагонаш ва занаш дар Соктаре **зиндагонӣ мекардаанд**» [1, с.8].

Перевод: «Дедушка **много лет прожил все в той же меҳмон-хоне**; по вечерам, освободившись от плотничанья, он учил грамоте Дехкона – старшего сына хозяина дома. В то время старший сын деда – мой отец – учился в Бухаре; младший его сын, рано овдовевшие сестры, племянники и жена **жили в Соктаре**» [2, с. 15].

Во всех примерах слово «*зиндагонӣ*» выполняет важную поэтико-семантическую функцию: оно не просто обозначает жизнь, но выражает включённость человека в социокультурную ткань, в уклад деревенского быта, в память рода и земли. Это слово одновременно несёт экзистенциальную, культурную и этическую нагрузку, что делает его ключевым элементом повествовательной поэтики.

В переводах на русский язык, несмотря на общую точность, «*зиндагонӣ*» почти всегда сводится к «жить» или «существовать», что обедняет оригинальный смысл и лишает текст особой ритмико-семантической глубины, которая делает прозаический стиль автора выразительным и культурно насыщенным.

Слово «жизнь» играет центральную роль в автобиографической прозе, служа основой для повествования и рефлексии. Оно помогает авторам передать пережитый уникальный опыт, осмыслить его и связать с более широким социальным и историческим контекстом. Исследование этого слова и его значимости в автобиографической литературе открывает новые горизонты для понимания человеческого существования и взаимодействия с миром. Примеры:

Оригинал: «Ман умедвор будам, **ки ту дар душвориҳои зиндагонии мадраса тоб оварда шер мешавӣ**. Афсӯс, ки калони рӯбаҳо шудӣ» [1, с.9].

Перевод: «Я надеялся, что **ты преодолеешь трудности жизни в медресе и выйдешь оттуда львом**. Как жаль, что «ты стал лишь «старшим над лисицами» [2, с. 17].

Оригинал: «Ман гумон мекунам, ки баъд аз тӯй **аҳволи зиндагонии хонадони мо** хеле танг шуда буд» [1, с.14].

Перевод: «Мне кажется, что **положение нашей семьи** вскоре очень ухудшилось» [2, с.24].

Оригинал: «Бинобар ин он духтарак ба хонаи худ нарафта шабу рӯз дар хонаи хатиб меистод ва бо духтари хатиб **дар як хона зиндагонӣ мекард**» [1, С. 60].

Перевод: «Девушка не уходила по вечерам домой, а оставалась в семье хатиба **и жила в одной комнате с его дочерью**» [2, с. 91].

Отличия перевода от оригинала:

«Шабу рӯз» («день и ночь») — «по вечерам». Перевод сужает временной охват: в оригинале подчёркивается непрерывность пребывания и деятельности (в течение всего дня и ночи), тогда как в переводе акцент сделан только на вечернее время, что ослабляет интенсивность образа.

«Дар хонаи хатиб меистод» («оставалась в доме хатиба») — «оставалась в семье хатиба». Здесь наблюдается семантическое смещение: в оригинале речь идёт о физическом пространстве — доме, тогда как перевод подменяет его понятием «семья», что изменяет фокус с места проживания на социальную структуру, отсутствующую в исходном тексте.

Оригинал: «← Ман ҳам орзу доштам, ки дар қатори инҳо буда, **зиндагонии худро бо хушӣ ва хуррамӣ гузаронам**. Хайфо, ки ашғоли дунё, вобастагии зану фарзанд ва **ташвиши зиндагӣ** маро аз ин кори беғамона маҳрум кардаанд» [1, с.79].

Перевод: «← Мне бы тоже хотелось вместе с ними *весело проводить время*. Очень жаль, что **повседневные заботы**, жена и дети лишили меня этой беспечальной жизни» [2, с.118].

Слово «**зиндагонӣ**» в оригинале отражает весь жизненный путь, мечту о радостной, наполненной жизни. Перевод на русский язык передаёт это как «**весело проводить время**», что существенно сужает и облегчает исходный смысл, делает его менее серьёзным, более досуговым. Слово «**зиндагӣ**», напротив, переведено точно — как «повседневные заботы».

Возможный перевод: «← Мне тоже хотелось бы быть среди них, прожить свою жизнь с радостью и весельем. Увы, житейские заботы, зависимость от жены и детей лишили меня этой беззаботной жизни» — такой вариант точнее отражает эмоциональную и смысловую нагрузку оригинала.

Оригинал: «Ман аз ин кори ӯ дар ҳайрат афтадам, зеро падарам меғуфт, ки «Иброҳимхоча бо садақаи мардум **зиндагонӣ мекунад**» [1, с. 82].

Перевод: «Я очень удивился его щедрости, от отца мне приходилось слышать, что Иброҳим-ходжа сам живет на подавание других людей» [2, с. 122].

В данном случае перевод на русский язык адекватен по смыслу, но использует интерпретирующий подход: «**щедрость**» — это оценка, которой нет в оригинале, т.е. это домысливание текста переводчиком. Также наблюдается легкое усиление контраста: «**живёт на подавание других людей**» звучит чуть более отчуждённо, чем нейтральное «**садақаи мардум**» — «**милостыня людей**». Такой перевод — динамический, ориентирован на ясность и читабельность, но жертвует точностью и нейтральностью.

Оригинал: «Аз моли дунё 4 таноб – як гектар замин ва як зардолузор дошт, ки бо даромади хаминҳо бечоравор **зиндагонӣ мекард**» [1, с. 90].

Перевод: «На скудные доходы со своего хозяйства он **влачил** с семьей жалкое существование» [2, с. 134].

Оригинал: «**Зиндагонии мо** дар он хучра бисёр сода буд (...)» [1, с. 101].

Перевод: «**Жизнь наша** здесь была очень простой» [2, с.151].

Возможный перевод: «**Наша жизнь** в той комнате была очень простой». Смысловое сжатие: вместо точного указания на «ту комнату» — нейтральное «здесь», потеря пространственной конкретики.

В оригинале слова «**зиндагӣ**» и «**зиндагонӣ**» относятся к понятию «жизнь, существование и образ жизни». Эти термины подчеркивают не только физическое существование, но и культурные, социальные и духовные аспекты жизни, особенно в контексте медресе и его обитателей.

В переводе слово «**зиндагӣ**» передается как «жизнь» и «живут», что сохраняет общий смысл, но может не полностью отражать глубину и нюансы оригинального значения.

Например, «*зиндагӣ*» может подразумевать не просто физическое существование, но и образ и стиль жизни, что в переводе не всегда явно выражено. Например:

Оригинал: «Ман имсол ба сохти хучраҳо ва **аҳволи зиндагонии берунии талабагони мадрасаи Мири Араб** ва ба карру фари мағруронаи калонони он мадраса як дараҷа воқиф шудам» [1, с. 101].

Перевод: «В тот год я немного постиг, что представляют собой кельи Мир-Араба, **как живут там учащиеся медресе...**» [2, с.151].

Оригинал: «Ва Мулло Абдусалом гуфт: – **Зиндагии ин дар мадраса** ба чӣ навъе, ки бошад, мегузарад, Худо подшоҳ аст. Модом, ки дар пеши як одами калон ваъда додем, инро Бухоро бурдан даркор аст (...). Азбаски **беитарини вақтҳои зиндагонии маро** дар шаҳр мадраса ишғол кардааст, лозим донистам, ки пеш аз баён кардани ин қисми ёддоштҳои худ дар бораи мадрасаҳои Бухоро, **тартиби зиндагонии аҳли мадраса**, программаи дарсҳои он ҷо, тарзи таълими мударрисони он вақт, тариқи омӯзиши талабагонашон ва умуман дар бораи он чизҳое, ки ба мадрасаҳои Бухоро дахл доранд, маълумоти кӯтоҳе дода гузарам» [1, с. 127].

Перевод: «– Он как-нибудь **перебьется в медресе**, – сказал Мулло-Абдусалом, – все в руках Божьих. Раз мы дали обещание в присутствии высокого лица, мальчика обязательно надо послать в Бухару» [2, с.189].

В приведенном фрагменте оригинала и в его переводе наблюдаются значительные различия, которые могут привести к искажению понимания условий жизни студентов в медресе. Слово «*зиндагӣ*» (*жизнь*) и его производные «*зиндагонӣ*» (*жизнь, существование*) в оригинале несут глубокий смысл, который не полностью передан в переводе. В тексте оригинала подчеркивается не только факт существования студентов в медресе, но и качество их жизни, условия, в которых они находятся. Фраза «**зиндагии ин дар мадраса ба чӣ навъе, ки бошад**» подразумевает, что жизнь в медресе имеет свои особенности и трудности, которые автор считает важными для обсуждения. Перевод, который звучит как «**Он как-нибудь перебьется в медресе**» упрощает это значение и не передает всей сложности жизни студентов в стенах медресе. Слово «**перебьется**» звучит несколько легкомысленно и грубо и может создать впечатление, что жизнь в медресе не требует особых усилий или не связана с серьезными вызовами. Это не соответствует реальности, которую описывает оригинал, где акцент делается на том, что жизнь в медресе требует адаптации и преодоления трудностей.

Кроме того, в оригинале упоминается о том, что большая часть времени автора была занята учебой в медресе, что также подчеркивает важность и центральное место медресе в его жизни. В переводе этот аспект теряется, и читатель может не осознавать, насколько значимой была эта часть его существования. Так, перевод не только упрощает значение слов, но и искажает восприятие условий жизни студентов в медресе, что может привести к недопониманию их читателем. Чтобы передать полное значение оригинала, перевод должен учитывать не только лексическое значение слов, но и их контекстуальную значимость, а также эмоциональную нагрузку, которую они несут.

Оригинал: «Ин гуна пурсишҳо ҳаминро нишон медиҳад, ки пурсандаи аввал мадрасаҳои Бухоро монанди университетҳои замони мо гумон кардаст ва пиндоштааст, ки ҳар талаба ба як мадраса даромада, бояд дар хобгоҳи умумии вай **зиндагонӣ намуда**, дар дарсхонаи вай дар пеши мударрисони махсусаш, то тамом кардани ҳамаи солҳои таҳсил, дарс хонда бошад» [1, с. 131].

Перевод: «Подобные вопросы показывают, что те, кто их задаёт, представляют себе бухарские медресе чем-то вроде университетов нашего времени. Они думают, что всякий,

поступивший в медресе, вероятно, *живёт* в общежитии, учится до самого конца курса у определенных учителей» («В городе») [2, с.192].

Как показывает сравнение текстов, перевод в целом адекватен, но некоторые аспекты, связанные с культурным и социальным контекстом жизни в медресе, могут быть упущены. Учитывая это, можно сказать, что перевод передает основное значение слов «*зиндагӣ*» и «*зиндагонӣ*», но не всегда полностью раскрывает их культурные коннотации.

В заключение проведенного анализа лингвопоэтических функций повтора слова «*зиндагӣ*» в «Воспоминаниях» Садриддина Айни мы пришли к выводу, что при филологическом анализе важно учитывать, что слово «*зиндагонӣ*» в автобиографической прозе не просто лексема, а концепт, отражающий восточное восприятие жизни как гармонии между трудом, местом, временем и семьёй. Данный концепт в мемуарах Айни обозначает не просто жизнь в её физическом и временном измерении, но становится ключевым элементом, через который автор раскрывает сложные и многослойные аспекты человеческого существования. Повтор этого слова в тексте выполняет множество функций — от тематической доминанты, подчеркивающей разнообразие жизненных форм, до ритмико-синтаксической структуры, создающей особый ритм повествования. Эмоционально-экспрессивный аспект повторов усиливает эмоциональное восприятие читателя, позволяя ему глубже сопереживать описываемым событиям и состояниям. Кроме того, философская глубина слова «*зиндагӣ*» вызывает экзистенциальные размышления о природе жизни и о её смысле. В этом контексте слово становится не просто лексической единицей, а поэтическим образом, объединяющим биографическое и историческое, частное и коллективное. Оно формирует ось, на которой строится композиция произведения, отражая социолингвистическую реальность таджикского общества конца XIX – начала XX века.

Таким образом, повтор слова «*зиндагӣ*» в «Воспоминаниях» С. Айни является осознанным лингвопоэтическим приёмом, который не только обогащает текст, но и предоставляет читателю возможность глубже понять внутренний мир автора и его место в историческом контексте. Это пример того, как языковые средства могут служить мощным инструментом смыслообразования, эмоционального воздействия и философского размышления, подчеркивая сложность и многослойность человеческого опыта.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Айни, С. *Ёддоштҳо (чаҳор қисм)*. – Душанбе: Сарредакцияи илмии Энциклопедияи миллии тоҷик, 2000. – 680 с.
2. Айни, С. *Воспоминания [Текст] / Пер. с тадж. А. Розенфельд; Изд. подгот. А. Розенфельд [и др.] ; [Акад. наук СССР. Лит. памятники]*. – Москва; Ленинград: Изд-во Акад. наук СССР [Ленингр. отд-ние], 1960. – 1087 с.
3. Бабенко, Л. Г. *Лингвистический анализ художественного текста: учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Филология» / Л. Г. Бабенко, И. Е. Васильев, Ю. В. Казарин*. – Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2000. – 532 с.
4. Барт, Р. *Избранные работы: Семиотика. Поэтика: Пер. с фр. / Ролан Барт; сост., общ. ред. и вступ. ст. [с. 3-45] Г. К. Косикова*. – Москва: Прогресс: Универс, 1994. – 615 с.
5. Бахтин, М. М. *Эстетика словесного творчества [Текст]: [сб. избр. тр.] / [Прим. С.С. Аверинцева, С.Г. Бочарова]*. – Москва: Искусство, 1979. – 423 с.
6. Виноградов, В. В. *О языке художественной литературы [Текст]*. – Москва: Гослитиздат, 1959. – 654 с.
7. Гальперин, И. Р. *Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин; АН СССР, Институт языкознания*. – Москва: Наука, 1981. – 139 с.

8. Гаспаров, Б.М. Язык, память, образ: Лингвистика яз. существования / Б. М. Гаспаров. – Москва: Новое лит. обозрение, 1996. – 351 с.
9. Есин, А. Б. Принципы и приемы анализа литературного произведения: учеб. пособие / А. Б. Есин. – 7-е изд., испр. – Москва: Флинта: Наука, 2005. – 244 с.
10. Зарубина, Н. Д. Текст: лингвистический и методический аспекты / Н. Д. Зарубина. – Москва: Рус. яз., 1981. – 113 с.
11. Зогакова Г. Унсурҳои маъноии ифодаҳои идиоматикӣ дар насри бадеии Садриддин Айни // Вестник Таджикского национального университета (научный журнал). Серия филологических наук, Душанбе: Сино. – 2012. – № 6. – С. 161-164.
12. Исроилзода, Ф.У. Анъанаи ёддоитнависӣ дар адабиёти форсу тоҷик ва нақши Аҳмади Дониш дар он // Вестник Таджикского национального университета (научный журнал). Серия филологических наук. – Душанбе: Издательский центр ТНУ. – 2020. – № 1. – С. 218- 226.
13. Ковальчук, И. Ю. Повтор и его функции в тексте: автореф. дисс... канд. филол. наук: 10.02.05 / Воронеж. гос. ун-т. – Пятигорск, 2004. – С. 6.
14. Кожина, М. Н. Целый текст как объект стилистики текста // Stylistyka – IV. 1995. – С. 33–54.
15. Купина, Н.А. Лингвистический анализ художественного текста: учеб. пособие для студентов-заочников V курса фак. яз. и лит. пед. ин-тов / Н. А. Купина. – Москва: Просвещение, 1980. – 78 с.
16. Кухаренко, В.А. Интерпретация текста [Текст]: учебник / В. А. Кухаренко. – 4-е изд., перераб. – Москва: ФЛИНТА, 2019. – 312 с.
17. Ларин, Б.А. Эстетика слова и язык писателя [Текст]: Избр. статьи / [Вступ. статья А. Федорова, с. 3-23]. – Ленинград: Худож. лит. Ленингр. отд-ние, 1974. – 285 с.
18. Лотман, Ю.М. Анализ поэтического текста [Текст]: структура стиха: [пособие для студентов]. – Ленинград: Просвещение, Ленинградское отд-ние, 1972. – 271 с.
19. Лотман Ю.М. Структура художественного текста [Текст] / Ю. М. Лотман. – Москва: Искусство, 1970. – 384 с.
20. Муҳаммадизода Қ.М. Вижагиҳои ҳунарии насри равонишнохтии Саттор Турсун // Вестник Таджикского национального университета (научный журнал). Серия филологических наук. – Душанбе: Издательский центр ТНУ. – 2025. – № 3. – С. 174-181.
21. Новиков, Л.А. Художественный текст и его анализ / Л. А. Новиков. – Москва: Рус. яз., 1988. – 300 с.
22. Раҳмонов Ҳ.А. Бардоити эстетикӣ Устод Айни аз зиндагии пурфоидаи мардуми Бухоро // Вестник Таджикского национального университета (научный журнал). Серия филологических наук, Душанбе: Издательский центр ТНУ. – 2024. – № 4. – С. 191-199.
23. Сабзаева, А. Хусусиятҳои семантикӣ ва услуби истифодаи ҷумлаҳои пайрави хилоф дар «Ёддоитҳо»-и устод Айни // Вестник Таджикского национального университета (научный журнал). Серия филологических наук. – Душанбе: Издательский центр ТНУ. – 2012. – № 4. – С. 89-93.
24. Сафаралиева, М.Р. Гурез аз такрор ва забонзада шудани калима дар мақолаҳои публицистии С. Айни // Вестник Таджикского национального университета (научный журнал). Серия филологических наук. – Душанбе: Издательский центр ТНУ. – 2012. – № 4. – С. 93-99.
25. Солехзода, Ҳ.У. Фаъолияти забониносии устод Садриддин Айни // Вестник Таджикского национального университета (научный журнал). Серия филологических наук. – Душанбе: Издательский центр ТНУ. – 2025. – № 1. – С. 63-72.

26. Шамшоди Ҷ. «Ёддоштҳо»-и Садриддин Айни ва таҳриру такмили мундариҷавии он // Вестник Таджикского национального университета (научный журнал). Серия филологических наук. - Душанбе: Издательский центр ТНУ. – 2025. – № 3. – С. 190-200.
27. Шамшоди Ҷ. Аз таърихи матнҳои ҷониби қисми дуҷуми «Ёддоштҳо»-и С. Айни // Вестник Таджикского национального университета. Серия филологических наук. – Душанбе: Маркази таъбу нашр, баргардон ва тарълума, 2018. – № 1. – С. 226-232.
28. Шанский, Н. М. Художественный текст под лингвистическим микроскопом [Текст]: книга для внеклассного чтения учащихся 8-10-х классов средних школ / Н. М. Шанский. – Москва: Просвещение, 1986. – 157 с.
29. Шмелев, Д. Н. Слово и образ [Текст] / Акад. наук СССР. Науч.-попул. серия. Ин-т рус. яз. – Москва: Наука, 1964. – 120 с.

Интернет-ресурсы:

30. Абдуллаев М. Литературоведческие исследования о жизни и творчестве Садриддина Айни // *Academic research in educational sciences*. 2022. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/literaturovedcheskie-issledovaniya-o-zhizni-i-tvorchestve-sadriddina-ayni> (дата обращения: 20.05.2025).
31. Анварзода М. А. Таҳлили сохторӣ ва маъноии вожаҳои кишоварзӣ (дар асоси маводи «Ёддоштҳо»-и Садриддин Айни) // Вестник Педагогического университета. – 2020. - №1 (84). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ta-lili-sohtor-va-manoi-vozha-oi-kishovarz-dar-asosi-mavodi-yoddosht-o-i-sadriddin-ayn> (дата обращения: 20.05.2025).
32. Гафорова, Т. С. Особенности языковых средств художественных изображений и их перевод на английский язык (на основе творчества Садриддина Айни) // Вестник Педагогического университета. – 2021. - №3 (92). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-yazykovykh-sredstv-hudozhestvennyh-izobrazheniy-i-ih-perevod-na-angliyskiy-yazyk-na-osnove-tvorchestva-sadriddina-ayni> (дата обращения: 20.05.2025).
33. Зоитова, М. Калимаҳои халқӣ-ғуфтуғӯӣ дар «Луғати нимтафсилии тоҷикӣ барои забони адабии тоҷик»-и Садриддин Айни // Вестник Педагогического университета. – 2020. – №1 (84). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kalima-oi-hal-guftug-y-dar-lu-ati-nimtafsilii-to-ik-baroi-zaboni-adabii-to-ik-i-sadriddin-ayn> (дата обращения: 20.05.2025).
34. Сафарова, Р. Б. Измерение длины в таджикском и английском языках (на основе «Воспоминаний» В С. Айни) // Вестник Педагогического университета. 2020. № 4 (87). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/izmerenie-dliny-v-tadzhikskom-i-angliyskom-yazykah-na-osnove-vozpominaniya-v-s-ayni> (дата обращения: 20.05.2025).
35. Хошимова Н. М., Рахимова Т. Р. Роль Садриддина Айни в становлении современного таджикского языка: глазами европейских и американских исследователей // Вестник Педагогического университета. – 2021. – №4 (93). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-sadriddina-ayni-v-stanovlenii-sovremennogo-tadzhikskogo-yazyka-glazami-evropeyskih-i-amerikanskih-issledovateley> (дата обращения: 20.05.2025).

REFERENCES:

1. Aini, S. *Memoirs (four parts)*. – Dushanbe: Scientific chief-in-editor of Tajik national encyclopedia, 2000. – 680 pp.
2. Aini, S. *Memoirs [Text]* / Translated from Tajik by A Rozenfald; Edition prepared by A Rozenfald and others; [Scientific Academy of USSR.]. – Moscow; Leningrad: Publishing house of scientific academy of USSR, 1960. – 1087 pp.

3. Babenko, L. G. *Linguistic Analysis of the Fiction Text: a textbook for university students majoring in Philology* / L. G. Babenko, I. E. Vasiliev, Yu. V. Kazarin. - Ekaterinburg: Ural University Publishing House, 2000. - 532 pp.
4. Bart, R. *Selected works: Semiotics. Poetics: Trans. from French* / Roland Bart; Comp., general editorship and introduction [pp. 3-45] G. K. Kosikova. - Moscow: Progress: Univers, 1994. - 615 pp.
5. Bakhtin, M. M. *Aesthetics of Verbal Creativity [Text]: [collection of selected works] / [Note by S. S. Averintsev, S. G. Bocharova].* – M.: Iskusstvo, 1979. - 423 pp.
6. Vinogradov, V.V. *About the Language of Fiction [Text].* – M.: Goslitizdat, 1959. - 654 pp.
7. Galperin, I. R. *Text as an Object of Linguistic Research* / I. R. Galperin; USSR Academy of Sciences, Institute of Linguistics. – M.: Nauka, 1981. - 139 pp.
8. Gasparov, B.M. *Language, Memory, Image: Linguistics. existence* / B. M. Gasparov. – M.: New lit. review, 1996. - 351 pp.
9. Yesin, A. B. *Principles and Techniques of Literary Analysis: manual* / A. B. Yesin. – the seventh edition, corrected – Moscow: Flinta: Nauka, 2005. – 244 pp.
10. Zarubina, N. D. *Text: linguistical and methodical aspects* / N. D. Zarubina. – Moscow: Russian language, 1981. – 113 pp.
11. Zogakova G. *Semantic Elements of Idiomatic Expressions in Fiction of Sadriddin Aini*// *Bulletin of Tajik national University (scientific journal). Series of philological sciences, Dushanbe: Sino.* – 2012. – № 6. – PP. 161-164.
12. Isroilzoda, F.U. *Traditions of Composing Memoirs in Tajik-Persian Literature and the Role of Ahmad Donish in it* // *Bulletin of Tajik national University (scientific journal). Series of philological sciences.* – Dushanbe: Publishing house TNU. – 2020. – № 1. – PP. 218- 226.
13. Kovalchug, I. U. *Repetition and its Function in the Text. Abstract of the dissertation of candidate of Philology: 10.02.05 / Voronezh state University.* – Pyatigorsk, 2004. – PP. 6.
14. Kojhina, M. N. *The Whole Text is as the Object of the Stylistical Text* // *Stylistics – IV.* 1995. – PP. 33–54.
15. Kupina, N.A. *Linguistic Analysis of the Literary Texts: manual for the 5th-year correspondence students of the Faculty of Languages and Literature of Pedagogical Institutes* / N. A. Kupina. – Moscow: Prosvesheniye, 1980. – 78 pp.
16. Kukharenko, V.A. *Interpretation of the text [Text]: a book* / V. A. Kukharenko. – the 4-th edition, amended – Moscow: FLINTA, 2019. – 312 pp.
17. Larin B.A. *Word Aesthetics and the Writer's Language [Text]: Selected articles* / – Leningrad: Literary text. Leningrad department, 1974. – 285 pp.
18. Lotman, U.M. *Analysis of poetic text [Text]: poem structure: [students' book].* – Leningrad: Prosvesheniye . Leningrad department, 1972. – 271 .
19. Lotman U.M. *Structure of the literary text. [Text] / U. M. Lotman.* – Moscow: Iskustvo, 1970. – 384 pp.
20. Muhammadzoda K.M. *Creative Features of the psychological Prose of Sattor Tursun* // *Bulletin of Tajik national University (scientific journal). Series of philological sciences, Dushanbe. Publishing house of TNU.* – 2025. – № 3. – PP. 174-181.
21. Novikov, L.A. *Literary Text and its Analysis.* / L. A. Novikov. – Moscow: Russian language, 1988. – 300 pp.
22. Rahmonov H.A. *Aesthetic Lessons of Aini from the Tragic Life of the People of Bukhara* // *Bulletin of Tajik national University (scientific journal). Series of philological sciences, Dushanbe. Publishing house of TNU.* – 2024. – № 4. – PP. 191-199.
23. Sabzaeva, *Semantic Features and Methods of Using Adversative Clauses in the Memoirs of Aini* // *Bulletin of Tajik national University (scientific journal). Series of philological sciences, Dushanbe. Publishing house of TNU.* – 2012. – № 4. – PP. 89-93.

24. Safaraliev, M.R. Avoidance of Repetition and Hackneyed Words in Journalistic Articles by Sadriiddin Aini. // *Bulletin of Tajik national University (scientific journal). Series of philological sciences, Dushanbe. Publishing house of TNU.* – 2012. – № 4. – PP. 93-99.
25. Solehzoda, H.U. Linguistic Activity of Sadriiddin Aini // *Bulletin of Tajik national University (scientific journal). Series of philological sciences, Dushanbe. Publishing house of TNU.* – 2025. – № 1. – PP. 63-72.
26. Shamshod J. “Memoirs” by Sadriiddin Aini and its Substantive Editing and Improvement // *Bulletin of Tajik national University (scientific journal). Series of philological sciences, Dushanbe. Publishing house of TNU.* – 2025. – № 3. – PP. 190-200.
27. Shamshod J. From the History of Printed Texts of the Second Part of Sadriiddin Aini’s “Memories” // *Bulletin of Tajik national University (scientific journal). Series of philological sciences, Dushanbe. Publishing house of TNU., 2018.* – № 1. – PP. 226-232.
28. Shanskiy, N. M. *Literary text under the linguistic microscope [Text]: a book for additional reading for 8-10 grades / N. M. Shanskiy.* – Moscow: Prosveshenie, 1986. – 157 pp.
29. Shmelev, D.N. *Word and Imagination [Text] / Academy of science of USSR. Scientific-popular series. Russian language Institute.* – Moscow: Nauka, 1964. – 120 pp.

INTERNET RESOURCES:

30. Abdullaev M. *Literary studies on the life and work of Sadriiddin Aini// Academic research in educational sciences. 2022. №2.* URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/literaturovedcheskie-issledovaniya-o-zhizni-i-tvorchestve-sadriiddina-ayni> (date of appeal: 20.05.2025).
31. Anvarzoda M. A. *Structural and Semantic Analysis of Agricultural Concepts// Bulletin of pedagogical University.* – 2020. - №1 (84). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ta-lili-sohtor-va-manonii-vozha-oi-kishovarz-dar-asosi-mavodi-yoddosht-o-i-sadriiddin-ayn> (date of appeal: 20.05.2025).
32. Gaforova, T. S. *Features of linguistic means of artistic images and their translation into English (based on the works of Sadriiddin Aini) // Bulletin of pedagogical University.* – 2021. - №3 (92). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-yazykovyh-sredstv-hudozhestvennyh-izobrazheniy-i-ih-perevod-na-angliyskiy-yazyk-na-osnove-tvorchestva-sadriiddina-ayni> (date of appeal: 20.05.2025).
33. Zoitova, M. *Folk and Colloquial Words in the “Brief explanatory dictionary of the Tajik literary language” by Sadriiddin Aini // Bulletin of pedagogical University.* – 2020. – №1 (84). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kalima-oi-hal-guftug-y-dar-lu-ati-nimtafsilii-to-ik-baroi-zaboni-adabii-to-ik-i-sadriiddin-ayn> (date of appeal: 20.05.2025).
34. Safarova, R. B. *Measurement of length in Tajik and English languages (based on "Memories" by S. Aini) // Bulletin of pedagogical University. 2020. № 4 (87).* URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/izmerenie-dliny-v-tadzhikskom-i-angliyskom-yazykah-na-osnove-vospominaniya-v-s-ayni> (date of appeal: 20.05.2025).
35. Hoshimova N. M., Rahimova T. R. *The Role of Sadriiddin Aini in the Formation of the Modern Tajik Language: Through the Eyes of European and American Researchers // Bulletin of pedagogical University.* – 2021. – №4 (93). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-sadriiddina-ayni-v-stanovlenii-sovremennogo-tadzhikskogo-yazyka-glazami-evropeyskih-i-amerikanskih-issledovateley> (date of appeal: 20.05.2025)